

ВАХТАНГОВ И ВАХТАНГОВСКОЕ

Недавно советская общественность отмечала 75-летие со дня рождения замечательного режиссера Е. Б. Вахтангова. Мы попросили рассказать о Евгении Богратионовиче одного из его учеников, НАРОДНОГО АРТИСТА СССР РУБЕНА СИМОНОВА, главного режиссера театра, который носит имя Вахтангова.

О Вахтангове я слышал с детства, потому что его отец был очень хорошо знаком с моим отцом.

Но близко я встретился с Евгением Богратионовичем только в так называемой шалыпинской студии в 1919 году, куда Вахтангов был приглашен ставить спектакль «Зеленый попугай» Шницлера.

Репетиции длились около месяца. Евгений Богратионович разобрал с нами всю пьесу. Я до сих пор помню, как очень точно он анализировал произведение с точки зрения требований системы Станиславского.

Потом Вахтангов перестал посещать студию: стало ясно, что больше преподавать у нас он не будет.

Однажды я встретил Евгения Богратионовича на улице. Мы шли с ним и говорили о разном. Наконец я набрался храбрости и спросил: «Евгений Богратионович, если бы я перешел к вам в студию, вы меня приняли бы?» Он ответил утвердительно.

После этого для меня начались мучительные дни колебаний. Дело в том, что в шалыпинской студии я тогда играл ведущую роль и даже был избран в директорскую тройку. (А мне было 19 лет). Но репетиции «Зеленого попугая» произвели на меня такое впечатление, что я решил: нужно бросить все, идти за Вахтанговым. Только он может поставить меня на путь большого профессионального искусства.

Полный противоречивых чувств, я трижды подходил к дверям студии Вахтангова и трижды уходил от них. Ведь за ними — неизвестное будущее, а позади, в коллективе шалыпинцев, — солидная, самостоятельная работа.

В четвертый раз я открыл дверь и поднялся наверх. Мне повезло: Евгений Богратионович был в студии на репетиции.

— Я пришел к вам, Евгений Богратионович, — сказал я.

— Вы будете приняты...

В то время в вахтанговской студии готовились к показам работ Художественного театра. Я репетировал грёка в чеховской «Свадьбе». Первое время все, что я делал на сцене, вызывало у Вахтангова очень критическое отношение.

Наконец я был доведен до такого состояния, что думал: в актеры не годюсь, нужно уходить из театра.

Наступил волнующий день. Мы показывали «Чудо св. Антония» и «Свадьбу». В зрительном зале сидели К. С. Станиславский, Вл. И. Немирович-Данченко, «старикимхатовцы».

Когда начался спектакль «Свадьба» и я вышел на сцену, то не поверил своим ушам. Я слышал очень сильный, раскатистый прием зрительного зала. Я даже не принял его на свой счет, настолько был уверен, что не могу хорошо сыграть эту роль.

Когда кончился спектакль, все меня начали хвалить. Потом подошел Вахтангов и с улыбкой сказал, что вот Симонов сегодня впервые хорошо исполнил свою роль, она у него двинулась, пошла.

Только через несколько лет я понял, что делал со мной Вахтангов. Видя, что я пришел с уже плохими навыками, идущими не от настоящего опыта и знания в искусстве, а от способностей, он решил сбить эти навыки с меня. За это я ему очень благодарен: от любительства я перешел к настоящему искусству.

Вахтангов был театральным режиссером, наиболее глубоко воспринявшим революцию. Самые горячие и действенные поиски нового театра происходили в той среде, театральные студии, где работал Евгений Богратионович. К нему стихийно стекалась молодежь, пришедшая в новый, советский театр строить новое искусство.

Беседы Евгения Богратионовича в этот период были не менее интересны, чем репетиции. В них он касался самых различных вопросов жизни и искусства, и, да простят меня исследователи и историки театра, его беседы были значительно ярче, чем тот материал, который дают они в своих книгах и статьях о Вахтангове.

Чернышевский говорил: «Вдохновение есть особо благоприятное настроение творческой фантазии».

Вахтангов прекрасно понимал эту «тайну» творческого состояния. Его репетиции были наглядным примером мобилизации художника. Внутренняя взволнованность, блестящая фантазия, смелое умение отказаться от уже хорошо найденного во имя идеального, безупречного; а главное, то, что так дорого в режиссерском творчестве, — умение вызвать такое же состояние у репетирующих с ним актеров.

Все творчество Вахтангова было глубоко реальным. Вахтангов любил жизнь непосредственно, горячо. Ему чужды были заумные образы, сентиментальность, слезливость. Вахтангов был бесконечно придирчив к проявлению вкуса и в жизни, и на сцене. Ничто сомнительное, второсортное, появляющееся на репетициях у актеров, не могло пройти незамеченным Вахтанговым. Тут Евгений Богратионович обрушивался с горячим темпераментом на «провинившегося».

Последнее великое создание Вахтангова — постановка сказки К. Гоцци «Принцесса Турандот». Премьера этого спектакля состоялась, когда Вахтангов был уже очень болен. Премьера стала замечательным праздником для нас, его учеников. В антракте Константин Сергеевич Станиславский позвонил на квартиру, где лежал прикованный к постели Вахтангов, и попросил Надежду Михайловну Вахтангову принять телефонogramму для Евгения Богратионовича: «У телефона стоят «старикимхатовцы» Художественного театра и просят передать, что все восхищены, взволнованы. Этот спектакль — праздник для всего Художественного театра. Ради искусства мы гребуем, чтобы он себя берег. В жизни МХТ таких побед наперечет. Я горжусь таким учеником, если он мой ученик. Скажите ему, чтобы он завернулся в одеяло, как в тогу, и заснул сном победителя».

Творческие принципы Вахтангова живы в театре, который вот уже более тридцати пяти лет с честью носит его имя.